

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

*д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА?¹

Аннотация. В период кризиса пандемии и последовавшей экономической рецессии либеральная идея глобального конституционного порядка и управления оказалась под ударами острой критики с самых разных позиций. Было заявлено, что эта теоретическая конструкция – не более чем формальное отражение прежнего либерального триумфализма и она не имеет ничего общего с текущим международным устройством, основанным на разрушении международного права, растущем экономическом и военном соперничестве, прогрессирующем разделении глобальных регионов, фрагментации международных режимов и превалировании эгоистических мотивов великих держав. Автор данной статьи подвергает все эти аргументы непосредственному анализу, критике и переосмыслению, обсуждая такие темы, как глобальное правовое развитие, конституционное переформатирование международного порядка, регионализм, роль институтов глобального управления в правовом регулировании экономического строя. Демонстрируется, что нестабильный баланс между интеграцией и фрагментацией международной правовой системы в период кризиса может быть использован для продвижения совершенно различных версий глобализации, стимулируя растущее соперничество мировых элит в отношении будущего дизайна глобального управления и демонстрируя важность новой согласованной политики права.

Ключевые слова: *глобальный конституционализм, конституционализация и фрагментация в международных отношениях, транснациональное право, глобальное управление, регионализация, суверенитет, авторитаризм, национальные правовые традиции, настоящий и фальшивый универсализм, легитимность, экономическая рецессия, политика права.*

JEL: F02, F50.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10305

В условиях глобализации борются две тенденции – к интеграции и дезинтеграции мирового правового регулирования. Первая тенденция выражена теорией глобального конституционализма – направлением мысли, отстаивающим универсализацию правовых принципов и норм путем конвергенции международного и национального права во имя создания нового наднационального глобального права. Вторая тенденция выражается в учении противников правовой глобализации, видящих перспективу в дезинтеграции правовых отношений – фрагментации международных режимов и глобального управле-

¹ Статья подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы (№ проекта 20-01-006) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ния. Предстоит выяснить, какую роль в соотношении двух тенденций способна сыграть экономическая и политическая нестабильность новейшего времени?

С окончанием холодной войны, в период экономического развития, основанного на либеральной модели рыночной экономики, господство теории глобального конституционализма казалось бесспорным, а речь шла преимущественно о формах и темпах его продвижения. Однако после кризиса 2008 г. и последовавших за ним потрясений мировой экономики преобладающими в отношении интеграционных тенденций становятся негативные прогнозы. Они особенно усилились в новейший период в связи с растущей дестабилизацией Европейского Союза после миграционного кризиса и Брексита, действий администрации Трампа по выходу из международных договоров, введением в порядок дня торговых войн, протекционистских тарифов, а также созданием разнообразных санкционных режимов. Рассуждения о конце глобализации стали особенно заметны в связи с пандемией коронавируса и прогнозируемой мировой экономической рецессией.

Между тем в этой дискуссии рано ставить точку, поскольку логика текущих процессов определяется их разновекторностью: ослабление интеграционных процессов по одним направлениям может сопровождаться их наращиванием по другим; преобладание фрагментации международных режимов на одном уровне может компенсироваться интеграционными усилиями на других; интенсивность и динамика интеграционных (деинтеграционных) процессов определяется не только общими, но и секторальными формами их экономической и политической организации.

Цель данной статьи – выяснить перспективы глобального конституционализма в условиях экономического кризиса и определить возможности влияния на них с помощью координируемой политики права. В соответствии с этим рассматриваются: процессы конвергенции международного и национального права; их противоречивое воплощение в интеграции и фрагментации транснациональных правовых институтов; создание секторальных режимов глобального экономического регулирования и управления; отношение к данному процессу глобальных регионов и стратегии адаптации национальных государств, перспективы глобального правового регулирования и управления.

1. Конвергенция международного и конституционного права как основа глобализации

Тезис о конвергенции международного и национального права получил широкое распространение – вплоть до признания, что международный порядок уже конституционализирован и существует нечто вроде глобальной конституции. Тем не менее можно констатировать противоречивость понятия глобального (международного) конституционализма. Его понимание зависит, с одной стороны, от общей интерпретации международного права – формальной, индивидуалистической, плюралистической; с другой включает понимание глобального конституционализма как реальной тенденции развития или, напротив, как исключительно «интеллектуального эксперимента»; наконец, с третьей различается трактовкой содержания глобального конституционализма, который предстает как идеалистический компонент, стоящий за процедурами конституционализации (набор экстра-правовых ценностей), как процесс имплементации этих идеалистических компонентов конституционализма и как исход процесса конституционализации [Lang, Wiener, 2017]. Существующие концепции глобального конституционализма, – верно отмечает Р. Дельпано, – не могут рассматриваться как адекватный подход к фрагментации, поскольку стремятся восстановить согласованность международного права, не обращаясь к нормативным конфликтам [Delpano, 2013. P. 77].

Основными вопросами в этой дискуссии стали следующие: определение масштабов и содержательных параметров конвергенции международного и конституционного права,

пределов и границ возможной инкорпорации конституционных принципов и норм в международное право и, напротив, воздействия последнего на конституции национальных государств; соотношение и динамика конфликтных процессов конституционализации и фрагментации международного права; формирование многоуровневого конституционализма, предполагающего выстраивание иерархии норм глобального, регионального и национального правового регулирования; определение акторов международного конституционного регулирования и системы глобального управления как государственных, так и действующих вне государственных границ (международные организации, транснациональные компании, НКО, гражданские инициативы и т.д.); формы и стратегии продвижения проектов глобального конституционализма (мягкое и жесткое право, реформы международного права и институтов, пересмотр традиционного конституционализма, создание новой правовой инфраструктуры, международная дипломатия); встающие на этом пути препятствия и опасности (в виде угрозы унификации, дискриминации отдельных регионов, групп и меньшинств); оценка достигнутых результатов и перспектив трансформации правовой системы [Atilgan, 2018].

В этой перспективе возможно обсуждение позитивных и негативных сторон теории трансправовой коммуникации:

- 1) должна она опираться на международное право с учетом его неопределенности, различия трактовок и недемократичности (некоторые вообще отрицают за ним звание права и связывающий характер его норм для международных акторов); напротив, опираться на традиционный конституционализм (отстаивающий принцип суверенитета как необходимое условие) или их конвергенцию (закрепление конституционных норм как международно-правовых с постепенным формированием новой отрасли глобального или транснационального права);
- 2) понять, насколько существующие подходы могут согласовать противоположные и расходящиеся тренды в виде конституционализации и фрагментации международного права;
- 3) выяснить, в какой мере доминирующая конструкция транснационального права (в виде европейского права ЕС) может быть распространена на другие международно-правовые режимы и положена в основу его глобального позиционирования (избегая угрозы воспроизводства евроцентризма в новых правовых формах);
- 4) следует положить в основу всей этой конструкции формальные юридические или политические приоритеты (с учетом прогрессирующей эрозии международного права, закрепляющего, по мнению критиков, исключительное доминирование великих держав, фактически не считающих себя скованными международными договорами);
- 5) установить, какова в этом процессе должна быть роль консолидированной международной стратегии и политики права, направленной на продвижение глобального конституционализма в условиях кризиса.

2. Конституционализация международного права – путь к интеграции или обособлению правовых режимов?

В эпоху глобализации актуален вопрос о том, в какой степени международная правовая система имеет конституционные параметры, сопоставимые с теми, которые можно найти в национальном праве. Все согласны с тем, что транснациональная правовая ситуация определяется растущей конвергенцией международного и национального права в рамках конституционализации – процесса, в целом означающего интерпретацию части международных норм по аналогии с конституционными, с приданием им соответ-

ствующей степени защиты. Однако сохраняется неопределенность, что означает понятие конституционализации и как использовать его в теории и институциональной практике. Правомерны вопросы о том, каков смысл призыва к конституционализации, что именно должно быть конституировано, как управлять этим процессом и действительно ли формируется новый правовой порядок, – с тем, чтобы «космополитично мыслящие» ученые могли чувствовать себя более уверенно, прописывая конституционализацию как средство выстраивания «нормативного каталога» [Brown, 2012].

Можно постулировать, что концепция конституционализации способствует пониманию горизонтального измерения правовой трансформации в отличие от традиционного вертикального измерения (отдельных государств) и позволяет идентифицировать конституционные тренды по формированию международных организационных структур, процедур и функций судебных институтов [Klabbers, Peters, Ulfstein, 2011]. В течение многих лет проблема конституционализации – как процесса, идущего за пределами национальных государств, – обсуждалась почти исключительно на материале ЕС и применительно к нему, но в настоящее время дискуссия выходит на глобальный уровень, выясняя, что в принципе может и должен включать конституционализированный мировой порядок. Однако на глобальном уровне мы находим скорее совокупность отдельных «конституционных фрагментов», интеграция которых выступает как перспектива.

Поэтому, за исключением отдельных предложений (признаваемых большинством мифами и утопиями), речь не идет о создании суперконституции поверх государств и международных союзов, но скорее о секторальной конституционализации различных международных организаций, ее продвижении в области частного (экономического) блока регулирования [D'Aspremont, Singh, 2017] и пересмотре структуры международных отношений с позиций конституционного права. В мировом сообществе, если рассматривать его в парадигме глобального конституционализма, конституционализация международного права признается реальным процессом, включающим различных акторов, важнейшими из которых становятся международные организации, институты и суды, выполняющие определенные функции производства права и судебных решений, но также транснациональные корпорации, международные НКО, группы интеллектуалов, способные к продвижению значимых проектов.

Представлены различные понимания конституционализации международного права. *Во-первых*, с позиций публичного международного права она определяется (Э. Де Вит) как попытка осуществить правовой контроль над политикой внутри самого международного права в целях компенсировать эрозию этого контроля внутри государственных конституционных порядков путем перенесения на интернациональный уровень концептов, которые традиционно были зарезервированы за внутренними конституциями [De Wet, 2012].

Во-вторых, с позиций классического конституционализма (М. Логлин) поставлен вопрос о трансформации смысла исторически сформировавшейся конституционной традиции в условиях ощущаемого упадка национального государства, а в перспективе, адаптации этого смысла к международно-правовому регулированию [Loughlin, 2010].

В-третьих, с позиций нормативизма или т.н. «компенсаторной теории» (А. Питерс) выстраивается концепция взаимодополнительности различных уровней глобального правового регулирования, а задача определяется как их координация для гармонизации интеграционных процессов [Peters, 2006].

В-четвертых, представлен социологический подход к проблеме (Г. Тойбнер), настаивающий на спонтанном развитии фрагментированных социетальных режимов, запускающим процесс селекции норм формирующегося глобального порядка [Teubner, 2012].

В-пятых, институциональный (или плюралистический) подход (Н. Волкер), фокусирующийся не столько на ценностях, принципах и нормах, сколько на реконструкции всей совокупности структур, институтов и акторов, участвующих в осуществлении власти за пределами государства [Walker, 2008].

В-шестых, функциональный подход (напр., К. Швобель), исходящий из того, что конституционализация может вести как к позитивным, так и негативным процессам (унификация, ограничение демократии и легитимности, уменьшение прав меньшинств), а ее результат определяется сознательными усилиями общества и элит [Schwöbel, 2011].

В-седьмых, конструктивистский подход в международных отношениях (Т. Кляйн-ляйн), согласно которому конституционализация есть, прежде всего, процесс изменения идентичностей и нормативного самоограничения (self-entrapment), в который вовлечены государства и другие международные акторы [Kleinlein, 2012].

Принятие одной из версий конституционализации определяет не только приверженность к известной теоретической схеме, но и появление вполне прагматической установки на продвижение определенной политики права.

3. Фрагментация международного конституционного права – вызов конституционализации или ее дополнение?

В современной литературе представлены различные интерпретации соотношения процессов конституционализации и фрагментации. Нам удалось выявить следующие пять позиций. *Во-первых*, имеет место стандартная их трактовка как противоположных и взаимоисключающих: рост фрагментации и обособления международно-правовых режимов ведет к автоматическому уменьшению конституционализации, и, напротив, ее ослабление свидетельствует о преобладании интеграционных тенденций над дезинтеграционными;

во-вторых, как пересекающихся процессов: конституционализация (если не считать ее движением к единой мировой «сверхконституции») сама представляет собой фрагментированный процесс (a fragmented process), идущий внутри международного права и все более затрагивающий внутреннее конституционное право, а ее результатом в настоящее время является система секторальных регулятивных режимов международных организаций и корпораций, т.к. в действительности «мы находим только конституционные фрагменты» (we find (only) constitutional fragments) [Peters, 2017];

в-третьих, соотношение этих понятий как взаимосвязанных: фрагментация выступает одновременно как вызов и способ конституционализации, их взаимодействие в различных областях международного права есть скорее вопрос практики («practical inquiry»), а сама конституционализация – не более чем перспективная установка или требование (constitutionalization «as a claim») [Jakubowski, Wierczyńska, 2016];

в-четвертых, выдвигается идея о том, что конституционализм (как концепция международного права) вообще не может служить инструментом преодоления фрагментации: вне государственных рычагов правового регулирования (отсутствующих в международном праве, в отличие от национального), фрагментация выступает скорее как средство управления нормативным конфликтом, нежели способ его преодоления [Delpano, 2013. P. 88];

в-пятых, существует и набирает силу политическое представление о самой конституционализации как негативном процессе, ведущем к унификации норм, интерпретаций и решений с позиций одной правовой культуры, а именно – империализму доминирующей западной культуры – формы «нео-колониального господства» [Chimni, 2008. P. 3], тяготеющей к нивелированию других правовых культур или различных меньшинств. С этих позиций фрагментация – естественный ответ на этот вызов и, скорее позитивный, чем негативный, тренд в международном праве, противостоящий угрозе «фальшивого универсализма», заложенной в теории глобального конституционализма и управления [Xavier, 2015].

Согласимся, что фрагментация международного права не есть простое отрицание правовой глобализации. Интерпретируемая как средство управления нормативным конфликтом, она включает ряд вариантов интерпретации – как понимания возможностей

регулировать напряжение между единством и разнообразием; как проблемы, проистекающей из процедурных составляющих – фрагментация как перемещение технической экспертизы из национального в интернациональный контекст; как взаимодействия между конфликтными правилами и институциональными практиками, которое кульминируется в эрозии общего международного права [Delpano, 2013. P. 88].

4. Институты транснационального регулирования и управления в обеспечении международных экономических процессов

Глобальный конституционализм предполагает пересмотр традиционной версии конституционализма национальных государств – по линии закрепления в международных документах фундаментальных конституционных прав, процесс, который был начат еще в первой половине XX в., например, принятием конвенции в Монтевидео (Montevideo Convention on the Rights and Duties of States 1933 (1934) 165 L.N.T.S. 19, Art. 1). В дальнейшем, особенно после Второй мировой войны, речь шла о систематизации их обеспечения в экономике, универсализации их интерпретации и судебной защиты [Rosenfeld, Sajo, 2012]. В мировой экономике интеграционные процессы зашли особенно далеко, заставив даже принять термин «экономический конституционализм». Речь идет о системе международных правовых гарантий и торговых договоров, институтов, теоретически обеспечивающих права и равенство для всех участников (ВТО), судебном рассмотрении споров (система международных арбитражных судов), создании структур глобального экономического регулирования и поддержки (в виде МВФ, МБРР, ЕЦБ, ГАТТ).

Данная система международных институтов, сформированная на основе так называемого Вашингтонского консенсуса, претендовала на универсальность для всего мира, но в настоящее время оказалась объектом острой критики. Эта критика связана, во-первых, с тем, что она оказалась неспособна предотвратить экономический кризис 2008 г. и его последствия (а по мнению некоторых, даже подготовила и спровоцировала его); во-вторых, с тем, что США, создавшие эти правила игры (Бреттон-Вудская система), фактически отказались следовать им, поставив под сомнение принцип свободы рынка, осуществляя неконтролируемую эмиссию денег и расширение госдолга, перейдя к политике протекционизма и начав торговые войны; в-третьих, с позицией «государств-ревизионистов» (Китай, Россия, страны БРИКС), поставивших под сомнение справедливость, беспристрастность, а следовательно и легитимность данного консенсуса, предложив альтернативные институты экономического и валютного регулирования. Эти процессы интеграции и дезинтеграции составляют основу системы транснационального экономического конституционализма, ставя проблему – насколько соотношение глобальных, транснациональных и национальных принципов правового регулирования может быть описано в привычных конституционных или квази-конституционных категориях?

Приоритетными выступают три характеристики процесса транснационального конституционализма. *Первое*, развитие транснациональных конституций или квази-конституционных соглашений как результата конституционализации международных режимов. Примерами обычно служат – Хартия ООН в совокупности с главными договорами по правам человека, секторальные соглашения, регулирующие механизм глобальной торговли (ВТО), региональные соглашения (как НАФТА). Наиболее важным шагом в этом направлении признавался конституционный договор для ЕС – проект Конституции Европы (2005 г.), разработанный Европейским конвентом и включавший конституционные принципы – фундаментальные социальные права, квази-федерализм, регулирование общего европейского рынка, разделение властей, судебный пересмотр законов, механизмы координации государств-членов по вопросам экономики и финансового регулирования и проч. Хотя этот документ не был принят, его основные положения включены в Лиссабонский

договор 2007 г., часто интерпретируемый именно как конституционный консенсус по вопросам европейской интеграции [Atilgan, 2018].

Второе, расширение транснационального юридического диалога. Данный диалог идет по трем направлениям – внутригосударственные парламенты и суды отсылаются к международным нормам, включая решения международных трибуналов; они делают ссылки на законы других национальных государств, включая решения иностранных национальных парламентов и судов; ссылки делаются международными трибуналами на другие международные режимы или решения иных международных трибуналов. Ключевая роль в этом диалоге отведена международным судам (суд ООН), судам по правам человека (ЕСПЧ или Межамериканский суд) и региональным судам (Европейский суд), а также национальным конституционным судам [Halmi, 2014]. В ЕС по этой линии юридического диалога вырабатываются стандарты решения наиболее спорных вопросов текущего периода – миграционного кризиса, внутренних границ, регулирования трудовой миграции, перспектив еврозоны, приоритетов финансовой политики ЕЦБ и национальных банков.

Третье, глобальное управление в рамках национальных конституций. Триумф либерального конституционализма в конце XX в. привел к закреплению общих принципов демократии и парламентаризма. В результате большее число государств по всему миру имеют сейчас сходные конституции и привержены общим стандартам конституционного языка. Конституции могут служить платформой, на которой национальные акторы, особенно парламенты и судьи, способны взаимодействовать друг с другом. Функционирование транснационального конституционализма включает ряд основных аспектов – управление глобальных рынков; отказ от абсолютного суверенитета и облегчение многосторонних межпарламентских диалогов.

Вариантом конструирования глобального конституционализма выступает идея создания новых центров его производства. Для существующей конструкции международного права, – по мнению критиков, – характерен «дефицит конституционализма», воплощенный в недостатке эффективности ООН: Совет Безопасности ООН не способен предотвратить войну в случае конфликта его постоянных членов. Данная модель возникла исторически – по результатам Второй мировой войны, продвигалась в американских проектах мировой конституции, – так называемого «Чикагского проекта» (1948 г.) [Chicago draft, 1948], но не учитывала позиции других регионов мира. При фактическом отсутствии единого мирового права или центра власти, его роль до последнего времени выполняет группа наиболее мощных акторов: правительства стран G7 (в последнее время G20), мультинациональные корпорации, ВТО, структуры финансового капитала, доминирующие массмедиа и фабрики мысли.

Взаимодействуя друг с другом, эти акторы, по мнению критиков, создают «гигантский властный комплекс или неформальную глобальную власть», в центре которого – военная власть США. Задача мирового сообщества состоит, однако, не в сохранении этой системы международного права, а в создании альтернативных «анти-гегемонистских» центров глобального конституционализма, способных преодолеть исторические, экономические и институциональные диспропорции с позиций глобального гражданского общества – его акторов и ассоциаций. В качестве одного из таких центров предложено региональное объединение Северо-Восточной Азии (Китай, Тайвань, Южная Корея, Монголия, Дальневосточная Россия и Япония), представители которых на совместном заседании в Токио в феврале 2005 г. приняли совместный документ – Northeast Asia Regional Action Agenda (Tokyo Agenda), выражающий данную конституционную повестку [Kimijima, 2011].

Ряд альтернативных инициатив представлен государствами Африки и Латинской Америки. Одна из них получила известность как «постлиберальный» подход, иллюстрируемый движением «Нового Латиноамериканского конституционализма» (“New Latin American Constitutionalism”), в частности конституциями Эквадора (2009) и Боливии (2007) [Carducci, 2013]. Большинство конституций, ассоциируемых с этим региональным трен-

дом, отразили новый подход к экологии и публичной собственности, разделяют некоторые постлиберальные подходы к конституционному дизайну, включающие новые парадигмы развития, вдохновленные аборигенами, плюралистическую организацию государства и инновативные коммунитарные модели демократического участия в процессе принятия решений [Carducci, Castillo, 2016]. Другая инициатива – проект Африканского Союза об учреждении Международного Конституционного Суда (the African Union's project to establish an International Constitutional Court), предполагающий создание универсального юридического механизма защиты прав. Проект, предложенный XX Саммитом Африканского Союза в 2013 г., основан на понимании демократии как «информированного участия», а не представительного делегирования [Frosini, Biagi, 2014. P. 142]. Создание Международного конституционного суда (International Constitutional Court – IConstC) признано необходимым для обеспечения самого «права на демократию» (the “right to democracy”): оно интерпретируется не с позиций классического понимания защиты прав человека (основанной на индивидуальных ожиданиях), но в рамках представления о демократии как универсально признанной формы правления, основополагающей для выживания человечества и, в качестве такового, заслуживающей глобальной международной защиты с использованием механизма «всеобщего доступа» (“plural access”) [Carducci, 2016]. Соединение экологических, социальных и общедемократических компонентов регулирования составляет основу ряда альтернативных инициатив в области глобального конституционализма.

За пределами Западной Европы проблематика глобального конституционализма представлена организацией – *Third World Approaches to International Law* (TWAAIL), которая подвергает критике западный правовой мейнстрим, говоря об «угрозе реколонизации» (threat of recolonisation), выступает за реформирование международного права и его институтов с позиций развивающихся стран (так называемого «Глобального Юга»), развивает специфические темы прозрачности и подотчетности международных институтов и транснациональных корпораций, включая использование языка прав для их защиты в экстратерриториальных правовых порядках и развитии устойчивости и равенства [Chimni, 2008]. Критическая теория права, на которую опирается этот тренд, убедительна в критике европоцентристской версии глобального конституционализма, но ее представители до сих пор не предложили четкой формулировки того, какие элементы «незападного права» могут стать опорой при конструировании нового глобального правового порядка. Парадокс в том, что выступая против глобализации, антиглобалисты вынуждены пользоваться ее достижениями (в виде сети центров, коммуникаций, терминологии и экспертных услуг).

Проект транснационального конституционализма получает противоположные оценки с точки зрения его содержания, структуры, стадий развития и результатов. В содержательном плане различие подходов к данному явлению определяется отождествлением данного тренда с традиционным пониманием международного (или конституционного) права, либо, напротив, отрицанием такого тождества (рассмотрение транснациональной правовой интеграции как принципиально нового вида права). В структурном плане отсутствует единство мнений о ключевом звене системы глобального регулирования и управления: должен им стать национальный, региональный или международный институт парламентского типа, и какие принципы, соответственно, должны определять природу демократической легитимности. В стадийном плане ключевое различие состоит в определении длительности существования самого феномена: одни определяют его как линейный процесс, идущий уже в течение столетия, по крайней мере, с того момента, когда было создано международное право; другие – видят в нем явление, порожденное новейшим этапом глобализации, в частности, созданием Европейского парламента, ПАСЕ, ЕСПЧ и других транснациональных институтов.

В плане достигнутых результатов оценки расходятся еще больше: сторонники многоуровневого конституционализма говорят о глобальном продвижении рыночной

экономики и демократии, противники – о ее сворачивании, констатируя рост неопределенности в ключевых областях правового регулирования – между нациями-государствами и отдельными объединениями; между публичной и частной сферами; между внешними и внутренними нормами, – общим результатом которой становится релятивизация правовых принципов классического парламентаризма и сознания конституционалистов, которые должны научиться думать в новых категориях транснационального права [Jiunn-Rong, Wen-Chen 2008].

5. Конфликт интерпретаций глобального конституционализма с позиций макро-регионов – глобальных Центра–Периферии, Запада–Востока, Севера–Юга

Тема диспропорций глобального регулирования и фрагментации международного порядка раскрывается в рамках различных традиционных типологий глобального конституционализма – по религиозному принципу, идеологическим параметрам, правовым семьям, уровню интегрированности в международное право и т.д. В условиях глобализации формируется разделение правовых режимов в рамках больших транснациональных регионов, приобретающих собственную идентичность и устойчивые социальные параметры. Для перспектив глобального конституционализма ключевое значение имеет противопоставление позиций макро-регионов – глобальных Центра-Периферии, Запада и Востока, а также Глобального Севера (западной цивилизации) и Глобального Юга (незападных стран).

Теория Центра-Периферии схематично противопоставляет урбанизированный, образованный и технологически развитый Запад – неразвитой аграрной периферии. В рамках этой схемы выделяется также понятие полупериферии, к которой относятся страны, стремящиеся преодолеть историческую отсталость с помощью быстрой модернизации, часто приобретающей поверхностный характер в силу ограничения ее задач исключительно заимствованием технологий. В результате конституционно-правовая диспропорция регионов сохраняется независимо от принятых общих стандартов, и действует дилемма, в свое время сформулированная Э. Де Сото в виде вопроса – почему капитализм и демократия существует только в Европе и Северной Америке и более нигде? Общий ответ на этот вопрос заключается в неспособности политических режимов периферийного ареала (или так называемых «развивающихся стран») создать работоспособную правовую систему и судебные институты, осуществляющие эффективный контроль над ее поддержанием. Но в этом объяснении, в сущности, представлен логический круг: отсталость нельзя преодолеть в отсутствие правовой системы, а последнюю не получается создать в силу отсталости. В рамках этого подхода глобальный конституционализм означает простую трансляцию передовых правовых образцов Центра в периферию и полупериферию, обреченных на постоянное догоняющее развитие, не будучи способными завершить его в обозримый период времени. Эта концепция рассматривается её критиками как форма апологии либерального мейнстрима, а её главный дефект усматривается в сведении дела к технологическому прорыву Европейского Центра при игнорировании других составляющих правового развития. В случае принятия за основу другого критерия сравнения (например, сохранение культурной традиции) Центр и Периферия легко меняются местами, также как и трактовка приоритетов конституционализма.

С позиций критической школы права, формальной логике теории глобального конституционализма противопоставлен ряд аргументов цивилизационного, культурно-антропологического, лингвистического, экономического и политического характера, заставляющих обсудить сами возможности и критерии интеграционных процессов. Первый из этих аргументов касается соотношения принципов универсализма и регионализма и выражен в вопросе – «является ли международное право европоцентричным или универсальным?».

Европейский подход подвергается критике и объявляется анахронизмом, и ответ дается в пользу универсализма. Следуя данной логике, речь должна идти не о пространстве расширения международного права в его традиционной европейской интерпретации, но о конституционализации международного права на основе различных правовых культур и механизмов их отношений. Критериями взаимодействия культур названы общие для них процессы – интеграции, фрагментации, заимствований, адаптации, трансляции и проч. Второй аргумент связан с поиском общих критериев оценки правовых явлений, которые принципиально не должны опираться на какую-либо одну из историческую моделей, сохраняя ценностно-нейтральный подход ко всем (что делает актуальным исследование юридической лексики). Современное право, следуя этой логике, не может рассматриваться как продукт только одной культуры (западной), но предполагает существование других – обычных правовых практик в различных странах мира, выполняющих важную роль в формировании международного права, его фундаментальных концепций. Третий аргумент состоит в реконструкции того, что является антитезой «европоцентризму» – совокупности ценностей, принципов и норм, объявляемых «незападным правом». Из этого следует вывод, что полноценная правовая глобализация невозможна как экономически навязанная адаптация доминирующей (западной) традиции, но лишь как синтез правовых традиций всех регионов, без этого она не станет легитимной.

В правовых трудах, написанных с позиций критической школы, Глобальному Западу противостоит Глобальный Восток. Под Глобальным Востоком понимается в основном ситуация в Азии – «азиатский подход к международному праву» или «азиатское видение» его конституционализации. Представлены, однако, противоположные позиции о том, существует ли единый азиатский подход к международному праву? Одни допускают такую постановку вопроса [*Jin-Hyun Paik et al.*, 2012]. Другие отрицают этот подход, поскольку азиатские правовые системы очень разнообразны [*Chimni*, 2008]. Но идея преодоления западного доминирования позиционируется как общая для представительной группы международных аналитиков, позиция которых была представлена на конференциях в Дохе. Основу тезиса о единстве азиатской версии правовой глобализации, считает новейший исследователь (Бхандари), составляет семь основных характеристик – распространение общих концепций; единая идентичность; коллективные интересы; единые нормы и факты; общий процесс и единые результаты. Азия как регион, – считают его представители, – может сыграть различную роль в международном праве и построении глобального конституционализма – роли пассивного «реципиента», «участника дискуссии», «активного партнера» и «дизайнера глобального конституционализма» [*Bhandari*, 2016]. Самостоятельная часть этой дискуссии – о месте религиозного фактора в формировании идентичности – может ли она быть общей, например, у представителей ислама, православия, буддизма и проч., и если может, то как определяет общность интересов (не считая, разумеется, конвенционального антизападничества)?

Не менее конфликтна предложенная дихотомия Запад–Юг. Под Глобальным Югом понимается вся та совокупность регионов, которые исторически, культурно и политически противостоят Глобальному Северу, т.е. фактически Глобальному Западу в самом широком понимании [*Maldonado*, 2013]. Констатируется, что в вопросах производства конституционного дизайна Глобальный Юг оказывается дискриминирован – выброшен из описаний международного или глобального правового порядка как релевантная география или актор. Причина этого, считают критики, доминирующее представление, закрепленное сверхпредставленными в дискуссии американскими и немецкими авторами о том, что добавление Глобального Юга ничего не дает концепции глобального конституционализма, а также исторические стереотипы, сложившиеся к середине XX в. В результате «мир глобального конституционализма оказывается чрезвычайно суженным», игнорируя «конституционализм отверженных» [*Kumar*, 2017].

Подход критической школы реконструирует конфликт исторических нарративов глобального конституционализма, – западного и незападного происхождения. В центре внимания оказываются проблемы «деколонизации международно-правовых областей знания и мышления», признания «исторической ответственности» Запада за колониальное прошлое, пересмотр западных стереотипов в отношении суверенитета, колониализма и рабства, а также исторически обусловленного неравенства между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Игнорирование этих положений западным мейнстримом, – считает В.Кумар (профессор Школы права Университета Лейчестера), – превращает глобальный конституционализм в разновидность моделей либерализма (*liberal constitutionalism, liberal internationalism and liberal humanitarianism*), что не исключает неоколониализма в создании современного глобального мирового порядка. Самостоятельной темой поэтому признается феномен «конституционализма колониальных поселений» (*settler-colonial constitutionalism*), оказавшего влияние на конституции многих стран – например, Канады, Австралии, Перу, Кении, Южной Африки, Замбии, США и Израиля, определив его специфику [Kumar, 2017].

В контексте интернациональной дискуссии о глобальном конституционализме обсуждаются пути сближения позиций между условно «западными» и «незападными» его трактовками. Сопоставление глобального конституционализма в его европейском понимании (воспринимаемом критиками как европоцентричное) с восточно-азиатскими подходами преследует ряд целей: уточнить, переформатировать или даже отвергнуть принятые когнитивные рамки и обосновать или развить его нормативную повестку [Suami et al., 2018]. Сформулирован ряд значимых вопросов: можно ли вообще избежать европоцентризма, придерживаясь аутентичной трактовки конституционализма; являются ли восточно-азиатские перспективы глобального конституционализма сходными с теми, которые есть в Европе? В какой мере конфуцианство привело к тому, что на Востоке гуманные принципы западного конституционализма оказались приняты. Возможно ли отказаться от тезиса об исключительно западной природе конституционализма с учетом позитивного опыта ряда азиатских стран, напр., конституционного судопроизводства Южной Кореи. В целом, – как считают сторонники диалога, – этот анализ позволяет поставить под вопрос тезис о преобладании авторитарно-бюрократического тренда в Азии [Suami et al., 2018].

6. Глобальный конституционализм и суверенитет: стратегии адаптации национальных государств

Стратегии региональных правовых культур предполагают выстраивание отношения к доминирующей версии глобального конституционализма – «западной» версии. Они включают ее полное принятие как собственной странами Запада (модель ЕС); полное отрицание во имя сохранения национальной правовой идентичности (Китай); ассимиляции (Япония); адаптации к национальным институтам (ЮАР); догоняющего развития (Латинская Америка) и различных гибридных вариантов (постсоветский регион).

Во-первых, полное отрицание доминирующей версии глобального конституционализма и предложение альтернативной (нелиберальной) перспективы. Китай – последовательный противник глобального конституционализма и управления, рассматривающий их как форму продолжения западного империализма в новой интеллектуальной оболочке. Китай, по мнению западных экспертов, выступает как последний бастион Вестфальской системы международного права – защитник суверенитета и авторитарного правительства. В противоположность западной либеральной модели прав человека выдвигается альтернативная их конструкция, основанная на азиатских ценностях – принципах конфуцианства, приоритете экономических и социальных прав перед политическими и гражданскими, меритократии перед демократией и образования перед демократическими выборами.

Подход Китая к международному праву часто оценивается западными исследователями как «исключительный» или «девиантный», поскольку идет в разрез с набором правил или моралью, которые приписываются зарождающемуся глобальному правовому порядку. Это порождает дилемму: с одной стороны, глобальный конституционализм предполагает совместную выработку общих правил и норм всеми акторами (представительство глобального демоса), независимо от их позиций, с другой – Китай не участвует в создании правил и норм, которые должны быть применены к нему, что ставит под вопрос легитимность всей конструкции глобального конституционализма. Конституционализм вообще рассматривается китайскими авторами как «Троянский конь», введенный Западом в Китай с целью затормозить его развитие [Carrai, 2016. P. 101].

Во-вторых, представлена стратегия ассимиляции национальных правовых институтов по отношению к глобальным. Позиция Японии выступает как промежуточная, поскольку ее конституционализм предстает комбинированным вариантом, основанным на гибриде западной (США) и национальной традиции. Пересмотр идентичности страны в результате заимствования американских конституционных идей создал, по мнению национальных авторов, уникальную возможность совмещения западных и японских ценностей и правовых традиций. Усилия японского народа по сохранению принципа пацифизма (ст. 9) и вхождение в мировую деятельность глобального гражданского общества осознается как японский вклад в глобальный конституционализм. Предполагается, что глобальное гражданское общество готово разделить ценность ст. 9 и действовать на основе ее потенциала [Kimijima, 2011].

В-третьих, представлена стратегия догоняющего конституционного развития, охватывающая разные регионы мира – Азии, Африки и Латинской Америки. Ключевыми незападными демократиями признаются Индия, ЮАР, Южная Корея, Япония и Бразилия. Перспективы сохранения либерального международного порядка связываются иногда с позицией группы стран, определяемых как «пять поднимающихся демократий» – Индии, Бразилии, ЮАР, Турции и Индонезии [Piccone, 2016]. Но во всех этих государствах аналитиками констатируются отступления от демократии в текущей перспективе – превращение Турции в «конституционную диктатуру» (по результатам референдума 16 апреля 2016 г. и укрепления авторитарного режима Эрдогана); кризис власти в Бразилии (импичмент президенту и приход к власти консервативно-авторитарного лидера Болсонару); изменение траектории развития Индии (под руководством популистского премьер-министра Н. Моди); коррупционные сбои системы в ЮАР (при президенте Зума), авторитарные тенденции в Индонезии [Daly, 2017].

Специфические трудности адаптации западной модели конституционализма присутствуют в Африке, где не удастся принять либеральную модель прав человека в чистом виде, в странах Латинской Америки, выступающих за принятие «постлиберальных ценностей», «трансформативного правосудия», а также различных попытках политизации конституционного правосудия. Выделяется особая позиция государств, реализующих различные альтернативные варианты недемократического развития – так называемых *Breaking states*, выступающих в защиту теократии, коммунизма, этно-конфессиональных стратегий или просто находящихся в стадии примитивной деспотии и имитационного конституционализма.

В перспективе этого разнообразия стратегий конституционной глобализации (или отказа от нее) в центре внимания оказывается проблема демократии – понимать ее в контексте западной трактовки правового государства или с учетом особенностей исторической идентичности и задач модернизации, осуществляемой авторитарной политической властью. С одной стороны, констатируется растущая тенденция к унификации правовых режимов – более двух третей государств современного мира встали на путь парламентаризма, закрепив его институты в своих конституциях. С другой стороны, нарастают разли-

чия в интерпретации смысла демократии и парламентаризма: прослеживается разделение конституций на два кластера – конституционно-центричные (либеральные) и государственно-центричные (этатистские) [Law, Versteeg, 2011, Pp. 1163–1164, 1173].

Растущий запрос на справедливость международного права диктует учет влияния цивилизационных факторов на мировой порядок, обеспечения экономической устойчивости и глобальной легитимности (международная, транснациональная и трансцивилизационная легитимность – не одно и то же), поиск интернациональных (и транснациональных) механизмов преодоления эгоизма «наиболее сильных государств» [Onuma, 2006, P. 30]. В рамках критической теории международного права подчеркнуты позиции стран Третьего мира в переосмыслении международного права с позиций критики западничества, антиколониализма и отстаивания национального самоопределения постколониальных государств [Aydin, 2007; Manela, 2007; Westad, 2007]. Создание современных международных институтов интерпретируется как результат преодоления имперского мышления, которое, однако, полностью не утратило позиции [Mazover, 2009; Pederson, 2015]. Показана взаимосвязь теории справедливости и конструирования права [Rawls, 2008] с особым упором на политический конституционализм [Bellamy, 2007].

7. Политика права как согласованный поиск оптимальной модели транснационального регулирования и управления

Нестабильность соотношения интеграционных и дезинтеграционных трендов мировой экономики и политики объясняет неоднозначность перспектив правового регулирования – баланса позитивных и негативных сторон глобального (транснационального) конституционализма.

Позитивными сторонами признаются: появление транснациональных конституций (типа проекта ЕС) обеспечивает более прямой допуск граждан к праву – снизу вверх, и позволяет индивиду обойти традиционную государственную бюрократию; международные договоры создают основу устойчивости мировой экономики и глобального управления; создание новых мульти-конституционных и квази-конституционных рамок бросает вызов традиционному балансу власти между государствами и делает доминирование одного государства все более трудным; этот сдвиг оказывает влияние на транснациональные правительственные и неправительственные институты, стимулируя интенсификацию диалога между транснациональными и национальными парламентами и судами, в целом стимулируя продвижение демократии на разных уровнях глобального управления – международном, региональном, национальном и местном.

Негативными сторонами признаны: унификация стандартов правового развития, не отражающих его региональные и исторические особенности; диспропорции экономического регулирования, связанные с преобладанием Запада над другими регионами; усложнение системы правового регулирования, затрудняющее реализацию прав; ослабление демократического участия граждан с передачей части государственного суверенитета на наднациональный уровень; передача полномочий от национальных парламентам международным бюрократическим институтам; трансфер власти от демократически избранных парламентам к неизбираемым судам, прежде всего – международным, демонстрирующим феномен «правления судей», когда «диалог судов» подменяет реальный общественный и парламентский диалог, ведя к политизации юриспруденции; рост «плюрализации стандартов» конституционного правосудия при мнимом их единстве, эрозия принципа субсидиарности, а в конечном счете – дефицит демократической легитимности как результат объединения наиболее могущественных транснациональных акторов против правового государства.

В результате глобальных кризисов (как позволяет увидеть особенно вирусная пандемия и начавшаяся экономическая рецессия) баланс преимуществ и недостатков

транснационального регулирования не устраняется, но легко смещается в сторону преобладания негативных параметров: регулирующая роль транснациональных коммуникаций (особенно электронных) сохраняется и даже усиливается, но роль международных институтов демонстрирует слабую эффективность; продвижение демократии, экономической кооперации и общей безопасности на глобальном уровне замедляется; межгосударственный диалог приостанавливается; глобальное управление уступает место внутригосударственному регулированию, в результате чего происходит ослабление демократических и усиление мобилизационных институтов и традиционных бюрократических структур. Интеграционные процессы в глобальном конституционализме временно уступают дезинтеграционным – фрагментации региональных и национальных правовых режимов.

Констатация этого тренда ведет к появлению диаметрально-противоположных прогнозов – о крушении глобализации (во всяком случае, как продукта конституционализации международного права) или ее триумфе – в виде усиления неформальных структур глобального регулирования за счет формальных (различные теории скрытого «мирового правительства» или «мирового заговора», предполагающего невиданный уровень «организации»). Но в реальности обе гипотезы представляют собой неоправданное упрощение ситуации, поскольку фрагментация международных отношений, как показано выше, не является, в сущности, отказом от глобализации, но скорее предстает корректировкой ее негативных черт и установкой на ее продвижение в других формах. Дойдя до максимума взаимного отчуждения и конфронтации, акторы мирового политического процесса будут вынуждены искать компромисс интересов во имя собственного выживания. Исходя из этого, маятник вполне может склониться в пользу глобального конституционализма как формулы компромисса, устраивающего наиболее значимые властные элиты.

Трудности глобального конституционализма порождены вовсе не современным кризисом: они связаны с возникновением ситуации «дефицита легитимности» транснациональных институтов. Для преодоления этих трудностей принципиален ряд факторов. *Во-первых*, демократическая легитимность международного порядка диктует необходимость определения ее внутренней моральности – соотношения принципов с правовым статусом национальных государств (парламентов) и внегосударственных акторов [Koskeniemi, 2005]. *Во-вторых*, международное производство законов (с целью закрепления статуса наднациональных акторов данного процесса) предполагает обеспечение общих интересов, если и не в нормативной форме, то, как минимум, исходя из перспективности данной цели в будущем. *В-третьих*, требуется обеспечение такого уровня международной кооперации, при котором возникает новая иерархия правового порядка – делегирования внегосударственным институтам власти принятия решений за пределами контроля каждого индивидуального государства-члена [Klabbers, Peters, Ulfstein, 2009]. Если текущий кризис, в отличие от предшествующего (2008 г.), станет стимулом к решению этих задач, мы получим новый уровень интеграционных процессов и глобального управления.

Поиск новой модели транснационального регулирования и управления возможен в рамках направленной политики права. Она могла бы опираться на консолидированную позицию акторов международных отношений, если не по содержательным, то, как минимум, по формальным правилам игры, институтам и процедурам принятия решений. В этом контексте востребовано преодоление неурегулированных зон глобального управления, возникающих прежде всего на пересечении транснациональных и национальных правовых трендов (“crosscutting issues”) – космополитического конституционализма, плюрализма, прав человека, трудовых миграций, подвижных границ и объема соответствующих полномочий международных институтов [Dunoff, Trachtman, 2009]; целесообразно создание интернационального механизма управления конфликтом интересов и его разрешением в разных сферах (публичной, корпоративной и финансовой) и на всех уровнях управления – от локального до глобального [Peters, Handschin, 2012]; разрешение противоречий глобального правового

регулирования и управления, возникающих в ходе его формирования (появление блокирующих норм и т.н. «вето-игроков») [Hawkins, Holden, 2016]. В конечном счете – это решение вопроса о сохранении демократии и правового государства на международном уровне или их утраты в перспективе появления глобального Левиафана [Coradetti, Sartor, 2016. Pp. 1–2]. Создание международных центров координации политики права есть практическое решение проблемы рационального выбора в ситуации глобализации.

Заключение

Интеграционные и дезинтеграционные процессы создают в мире ситуацию неустойчивого равновесия. С одной стороны, интеграционная роль международного права возрастает по ключевым направлениям: конституционализация международного порядка; создание секторальных международных актов конституционного уровня и институтов, регулирующих различные сферы транснациональной экономической деятельности; конституционализация международных отношений – движение от дипломатии к праву; гармонизация внутренних (государственных) норм и практик с учетом интернациональных тенденций; глобальное управление. С другой стороны, усиливающиеся процессы фрагментации международного права отражают неудовлетворенность или разочарование части мирового сообщества результатами глобализации. Тенденции к фрагментации оказались четко выражены в период пандемии и экономической рецессии, поставившей вопрос об адекватности международных структур своему назначению.

В качестве противовеса доминирующей трактовке глобального конституционализма выдвинуты альтернативные (в том числе антиглобалистские) подходы, выстраивающие иную программу интеграционных процессов, повестку транснациональных институтов и региональные подходы – Глобального Востока, Юга или отдельных континентов – Азии, Африки, Латинской Америки, различные концепции периферийных, гибридных или имитационных форм, движения от права к дипломатии. Но до настоящего времени они не предложили содержательных решений проблемы глобальной правовой интеграции, побуждая отдельные регионы или государства искать собственные стратегии адаптации к формирующемуся глобальному порядку. Общий дизайн и язык концепций глобального конституционализма и попыток их воплощения в международном праве остается преимущественно «западническим», что вполне естественно, ибо они возникли на Западе. Поэтому критики должны четко определить причины отторжения глобального конституционализма – отрицается он потому, что имеет западное происхождение или потому, что является конституционализмом (т.е. гарантирует права личности).

Итак, преждевременными и не обоснованными выглядят утверждения о конце глобализации вообще и глобального конституционализма в частности. Нет спора, что интеграционные процессы в правовом развитии дошли, по-видимому, до определенного уровня, когда они должны скорректировать свои формы, содержательное наполнение и инструменты продвижения. В этом отношении кризис пандемии, обусловивший экономическую рецессию, сыграл определенную информативную роль, выявив те слабости и недостатки глобального управления (проявившиеся, прежде всего, в недостаточном уровне доверия, информированности и глобальной координации), которые могут быть устранены совместными усилиями международных институтов, государств и гражданского общества.

Фрагментация международных режимов – секторальная, региональная или функциональная – есть поэтому не столько альтернатива конституционализации (как это многими сейчас преподносится), сколько инструмент ее корректировки в значимых областях. Фрагментация усиливается именно в тех областях, где констатируется вакуум доверия, легитимности, или низкий уровень институционального регулирования. Преобладание процессов фрагментации над интеграцией – вызов, но не приговор глобализации. Напротив, при-

глашение всем участникам глобальной игры повторно обсудить ее правила и создать их там, где они отсутствуют, озаботиться проблемой обеспечения легитимности международных институтов, предоставить место всем тем участникам диалога, которые длительное время не получали в нем слова по историческим, культурным или геополитическим причинам. Самое время поставить вопрос – какое глобальное право нужно человечеству?

В идеале все согласны, что демократическая легитимность, составляющая основу конституционализма в национальных государствах, должна присутствовать и на интернациональном уровне, но нет единства в том, каковы должны быть формы ее обеспечения. С позиций рационального выбора важно найти ответы на следующие вопросы: насколько интеграция предпочтительнее фрагментации; в каких формах следует допустить ее осуществление с учетом преимуществ и издержек для сторон диалога; чем участники диалога готовы пожертвовать ради ее продвижения. В содержательном плане традиционная система либеральных экономических ценностей сохраняет основополагающее значение, или приоритет должен быть отдан «постлиберальным» ценностям экологии, солидаризма, равенства и коллективных прав, в том числе с учетом культурных, исторических и экономических особенностей регионов мира. С позиций политических предпочтений – должен ли глобальный конституционализм инкорпорировать традиционные механизмы и стандарты демократического производства норм или создавать новые; могут ли формы представительной демократии на глобальном уровне быть спроецированы по аналогии с национальными формами, несмотря на структурные различия между ними. Допустима ли международная интеграция только на базе демократических ценностей или она возможна и на недемократической основе? Наконец, как могли бы выглядеть независимые международные институты и центры выработки рекомендаций по этим вопросам?

Глобальный (транснациональный) конституционализм поэтому не столько решение, сколько область эксперимента по поиску оптимального баланса глобальных, транснациональных, международных и национальных законотворческих институтов, а его результаты отнюдь не предопределены. Текущий кризис наглядно показал наступление новой фазы соревнования мировых элит по вопросам будущего устройства глобального управления, демонстрируя важность согласованной политики права. От решения этих вопросов будет зависеть устойчивость и надежность конституционных гарантий глобального развития в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Atilgan A.* (2018). *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective.* Heidelberg: Springer.
- Aydin C.* (2007). *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought.* New-York: Columbia University Press.
- Bellamy R.* (2007). *Political Constitutionalism: A Republican Defense of the Constitutionality of Democracy.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Bhandari S.* (2016). *Global Constitutionalism and the Path of International Law.* Leiden: Brill-Nijhoff.
- Brown G.W.* (2012). *The Constitutionalisation of What? // Global Constitutionalism. Vol. 1. No. 2. Pp. 201–228.*
- Carducci M., Castillo A.* (2016). *Nature as “Grundnorm” of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South // Revista Brasileira de Direito. Vol. 12. No. 2.*
- Carducci M.* (2016). *Cross-constitutionalism and Sustainable Comparison // A. Febrajo, G. Corsi (Eds.) // Sociology of Constitutions: A paradoxical perspective. London: Routledge, Pp. 137–165.*
- Carducci M.* (2013). *La Costituzione come “ecosistema” nel nuovo costituzionalismo delle Ande / S. Bagni (Ed.) // Dallo Stato del Bienestar allo Stato del Buen Vivir. Bologna: Filodiritto.*
- Carrai M.A.* (2016). *Global Constitutionalism and the Challenge of China’s Exeptionalism / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Global Constitutionalism without Global Democracy? Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute. Pp. 95–113.*
- Chicago draft (1948). *Committee to Frame a World Constitution Preliminary Draft of a World Constitution.* Chicago: The University of Chicago Press.

- Chimni B.S.* (2008). Is There an Asian Approach to International Law: Questions, Thesis and Reflections // 14 Asian Yearbook of International Law. Vol. 249.
- Chimni B.S.* (2008). Third World Approaches to International Law: A Manifesto // International Community Law Review. No. 3. Pp. 3–27.
- Global Constitutionalism without Global Democracy? (2016). / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute.
- D'Aspremont J., Singh S. (Eds.). (2017). // Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Daly T.G.* (2017). Democratic Decay in 'Keystone' Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? // International Journal of Constitutional Law. Accessed: <http://www.i-connectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column/>
- Dunoff J.L., Trachtman J.P. (Eds.) (2009). Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Delpano R.* (2013). Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // European Journal of Legal Studies. Vol. 6, No. 1. Pp. 67–89.
- De Wet E.* (2012). The Constitutionalization of Public International Law / M. Rosenfeld, A. Sajó (eds.) // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford. Oxford University Press.
- Frosini J., Biagi F.* (2014). Political and Constitutional Transitions in North Africa: Actors and Factors. London: Routledge.
- Jakubowski A., Wierczyńska K. (Eds.). (2016) Fragmentation vs the Constitutionalisation of International Law: A Practical Inquiry. London: Routledge.
- Jin-Hyun Paik, Seok-Woo Lee, Kevin Y.L. Tan (Eds.) (2012). Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism. London: Routledge.
- Jiunn-Rong Y., Wen-Chen Ch.* (2008). The Emergence of Transnational Constitutionalism: Its Features, Challenges and Solutions// Penn State International Law Review. Vol. 27. No. 1. Pp. 89–124.
- Halmi G.* (2014). Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law. The Hague: Eleven International Publishing.
- Hawkins B., Holden Ch.* (2016). A Corporate Veto on Health Policy? Global Constitutionalism and Investor-State Dispute Settlement // Journal of Health Politics, Policy and Law. Vol. 41. No. 5.
- Kimijima A.* (2011). Global Constitutionalism and Japan's Constitutional Pacifism. www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/ir/college/bulletin/Vol.23-3/03_Kimijima.pdf.
- Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* (2009). The Constitutionalization of International Law. Oxford: Oxford University Press.
- Kleinlein Th.* (2012). Constitutionalization in International Law // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band. 231. Pp. 703–715.
- Koskenniemi M.* (2005). International Law in Europe: Between Tradition and Renewal // European Journal of International Law. No. 16. Pp. 13–124.
- Kumar V.* (2017). Towards a Constitutionalism of the Wretched. // Völkerrechtsblog, 27 July 2017. voelkerrechtsblog.org/towards-a-constitutionalism-of-the-wretched.
- Lang A.F., Wiener A. (Eds.) (2017). Handbook on Global Constitutionalism. Cambridge: Edward Elgar Publishing.
- Law D.S., Versteeg M.* (2011). The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. Vol. 99. No. 5. Pp. 1163–1258.
- Louglin M.* (2010). What is Constitutionalisation? // P. Dobner, M. Louglin (Eds.). The Twilight of Constitutionalism? Oxford: Oxford University Press. Pp. 47–69.
- Maldonado D.B. (Ed.) (2013). Constitutionalism of the Global South. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manela E.* (2007). The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism. Oxford: Oxford University Press.
- Mazover M.* (2009). No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Onuma Y.* (2006). A Transcivilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-first Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts// International Community Law Review. Vol. 8. Pp. 29–63.
- Pederson S.* (2015). The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press.
- Peters A.* (2006). Compensatory Constitutionalism: The Function and Potential of Fundamental International Norms and Structures // Leiden Journal of International Law. Vol. 19. Pp. 579–610.
- Peters A., Handschin L. (Eds.) (2012). Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peters A.* (2017). Constitutionalisation / J. D'Aspremont, S. Singh (Eds.) // Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.
- Piccone T.* (2016). Five Rising Democracies and the Fate of the International Liberal Order. New-York: Brookings Institution Press.

- Rawls J. (2008). *Lectures on the History of Political Philosophy*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Rosenfeld M., Sajo A. (eds.) (2012). *The Oxford Handbook of Comparative constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Schwöbel Ch. (2011). *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff publications.
- Suami T., Kumm M., Peters A., and Vanoverbeke D. (Eds.) (2018). *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Teubner G. (2012). *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker N. (2008). *Post-Constituent Constitutionalism? The Case of the European Union* // M. Loughlin, N. Walker (Eds.) *The Paradox of Constitutionalism: Power and Constitutional Form*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Westad O.A. (2007). *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Oxford University Press.
- Xavier S. (2015). *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South*. PhD Dissertations. 20. digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky

Dr. Sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow.

amedushevsky@mail.ru

GLOBAL CONSTITUTIONALISM: INTEGRATION OR FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE PERIOD OF ECONOMIC RECESSION?

Abstract. In the period of pandemic crisis followed by economic recession, the liberal idea of the global constitutional order and governance appeared to be under sharp criticism from many different angles. It was said that this theoretical construction as a pure formal reflection of the late liberal triumphalism has nothing in common with the current international constellation based on the decomposition of international law, growing economic and military competition, progressive separation of the global regions, fragmented international regimes, and the prevalence of the egoistic motives of the great powers. The author of this article put all these arguments under strict analysis, criticism, and reconsideration arguing such items as global legal development, constitutional reconfiguration of international order, global regionalism, and the role of global governance institutes in the legal regulation of economic order. He shows how the unstable balance between integration and fragmentation of the international legal system in the period of crisis could be used for the promotion of quite different versions of globalization, stimulating the growing competition of the world elites over future global governance design, and demonstrating the importance of a new coherent global policy of law.

Keywords: *global constitutionalism, constitutionalization and fragmentation in international affairs, transnational law, global governance, regionalization, sovereignty, authoritarianism, national legal traditions, real and false universalism, legitimacy, economic recession, policy of law.*

JEL: F02, F50.

REFERENCES

- Atilgan A. (2018). *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective*. Heidelberg: Springer.
- Aydin C. (2007). *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought*. New-York: Columbia University Press.
- Bellamy R. (2007). *Political Constitutionalism: A Republican Defense of the Constitutionality of Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bhandari S. (2016). *Global Constitutionalism and the Path of International Law*. Leiden: Brill-Nijhoff.
- Brown G. W. (2012). *The Constitutionalisation of What?* // *Global Constitutionalism*. Vol. 1. No. 2. Pp. 201–228.
- Carducci M., Castillo A. (2016). *Nature as “Grundnorm” of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South* // *Rivista Brasileira de Direito*. Vol. 12. No. 2.
- Carducci M. (2016). *Cross-constitutionalism and Sustainable Comparison* // A. Febrajo, G. Corsi (Eds.) // *Sociology of Constitutions: A paradoxical perspective*. London: Routledge, Pp. 137–165.

- Carducci M.* (2013). La Costituzione come “ecosistema” nel nuovo costituzionalismo delle Ande / S. Bagni (Ed.) // Dallo Stato del Bienestar allo Stato del Buen Vivir. Bologna: Filodiritto.
- Carrai M.A.* (2016). Global Constitutionalism and the Challenge of China's Exeptionalism / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Global Constitutionalism without Global Democracy? Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute. Pp. 95–113.
- Chicago draft (1948). Committee to Frame a World Constitution Preliminary Draft of a World Constitution. Chicago: The University of Chicago Press.
- Chimni B.S.* (2008). Is There an Asian Approach to International Law: Questions, Thesis and Reflections // 14 Asian Yearbook of International Law. Vol. 249.
- Chimni B.S.* (2008). Third World Approaches to International Law: A Manifesto// International Community Law Review, No. 3. Pp. 3–27.
- Global Constitutionalism without Global Democracy? (2016). / C. Coradetti, G. Sartor (Eds.) // Working Paper LAW 2016/21. Badia Fiesolana: European University Institute.
- D'Aspremont J., Singh S.* (Eds.). (2017). // Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Daly T.G.* (2017). Democratic Decay in ‘Keystone’ Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? // International Journal of Constitutional Law. www.icconnectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column.
- Dunoff J. L., Trachtman J. P.* (Eds.) (2009). Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Delpano R.* (2013). Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // European Journal of Legal Studies. Vol. 6, No. 1. Pp. 67–89.
- De Wet E.* (2012). The Constitutionalization of Public International Law / M. Rosenfeld, A. Sajó (eds.) // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford. Oxford University Press.
- Frosini J., Biagi F.* (2014). Political and Constitutional Transitions in North Africa: Actors and Factors. London: Routledge.
- Jakubowski, A., Wierczyńska K.* (Eds.). (2016) Fragmentation vs the Constitutionalisation of International Law: A Practical Inquiry. London: Routledge.
- Jin-Hyun Paik, Seok-Woo Lee, Kevin Y.L. Tan* (Eds.) (2012). Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism. London: Routledge.
- Jiunn-Rong Y., Wen-Chen Ch.* (2008). The Emergence of Transnational Constitutionalism: Its Features, Challenges and Solutions// Penn State International Law Review. Vol. 27. No. 1. Pp. 89–124.
- Halmai G.* (2014). Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law. The Hague: Eleven International Publishing.
- Hawkins B., Holden Ch.* (2016). A Corporate Veto on Health Policy? Global Constitutionalism and Investor-State Dispute Settlement // Journal of Health Politics, Policy and Law. Vol. 41. No. 5.
- Kimijima A.* (2011). Global Constitutionalism and Japan's Constitutional Pacifism. www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/ir/college/bulletin/Vol.23-3/03_Kimijima.pdf.
- Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* (2009). The Constitutionalization of International Law. Oxford: Oxford University Press.
- Kleinlein Th.* (2012). Constitutionalization in International Law // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band. 231. Pp. 703–715.
- Koskenniemi M.* (2005). International Law in Europe: Between Tradition and Renewal // European Journal of International Law. No. 16. Pp. 13–124.
- Kumar V.* (2017). Towards a Constitutionalism of the Wretched. // Völkerrechtsblog, 27 July 2017. voelkerrechtsblog.org/towards-a-constitutionalism-of-the-wretched.
- Lang A.F., Wiener A.* (Eds.) (2017). Handbook on Global Constitutionalism. Cambridge: Edward Elgar Publishing.
- Law D.S., Versteeg M.* (2011). The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. Vol. 99. No. 5. Pp. 1163–1258.
- Louglin M.* (2010). What is Constitutionalisation?// P. Dobner, M. Louglin (Eds.). The Twilight of Constitutionalism? Oxford: Oxford University Press. Pp. 47–69.
- Maldonado D.B.* (Ed.) (2013). Constitutionalism of the Global South. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manela E.* (2007). The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism. Oxford: Oxford University Press.
- Mazover M.* (2009). No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Onuma Y.* (2006). A Transzivilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-first Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts // International Community Law Review. Vol. 8, Pp. 29–63.
- Pederson S.* (2015). The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press.

- Peters A.* (2006). *Compensatory Constitutionalism: The Function and Potential of Fundamental International Norms and Structures*// *Leiden Journal of International Law*. Vol. 19. Pp. 579–610.
- Peters A., Handschin L.* (Eds.) (2012). *Conflict of Interest in Global, Public and Corporate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peters A.* (2017). *Constitutionalisation*/ *J. D'Aspremont, S. Singh* (Eds.) // *Concepts for International Law – Contributions to Disciplinary Thought*. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.
- Piccone T.* (2016). *Five Rising Democracies and the Fate of the International Liberal Order*. New-York: Brookings Institution Press.
- Rawls J.* (2008). *Lectures on the History of Political Philosophy*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Rosenfeld M., Sajo A.* (eds.) (2012). *The Oxford Handbook of Comparative constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Schwöbel Ch.* (2011). *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff publications.
- Suami T., Kumm M., Peters A., and Vanoverbeke D.* (Eds.) (2018). *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Teubner G.* (2012). *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Walker N.* (2008). *Post-Constituent Constitutionalism? The Case of the European Union*// *M. Loughlin, N. Walker* (Eds.) *The Paradox of Constitutionalism: Power and Constitutional Form*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Westad O.A.* (2007). *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Oxford University Press.
- Xavier S.* (2015). *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South*. PhD Dissertations. 20 digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20.